

...рассказал в книге воспоминаний, изданной в 2002 году, Лев Яковлевич Эберт. Известный ученый, основатель уральской школы иммунологов, он предстает перед нами человеком легким, остроумным, умеющим с иронией относиться прежде всего к самому себе. Таким его и помните...

«Мои родители Яков Львович Эберт и Мария Романовна Маневич были родом из Белоруссии и происходили из семей потомственных кузнецов. По словам моего отца, мои предки пришли в Россию из Франции вместе с Наполеоном, они уже тогда были кузнецами. Войска Наполеона разгромили, а они так и остались в Белоруссии».

«Отца в 12 лет привезли в Кронштадт и отдали на обучение портному, который шил мундиры для офицеров. Это я говорю потому, что гордостью моего отца было то, что я впоследствии стал морским офицером, и он сшил мундир, первый мой мундир, шил и был невероятно счастлив этим обстоятельством».

«Я помню многих преподавателей, которые нам читали лекции. И до сих пор я считаю, что мне очень повезло, что я учился именно в Военно-Морской медицинской академии, слушал лекции выдающихся ученых и блестящих лекторов. [...] Мы у них учились не только специальностям, но и интеллигентности.

Вспоминаю время, когда я был в адъюнктуре и мою диссертацию проверял профессор А.В. Пономарев. Однажды, уходя от него, я стал надевать шинель. Андрей Владимирович взял мою шинель и помог одеться. Мне было очень неудобно. Я всего только старший лейтенант, а он полковник-профессор. Когда я сказал об этом, профессор мне ответил: «Вы у меня дома, поэтому я Вам подаю шинель. Когда я буду у Вас, Вы мне подадите».

«22 июня 1941 г., как обычно, курсанты первого и второго курсов выходили на прогулку по Ленинграду. Мы совершали эту прогулку под оркестр. Шли от Академии по Фонтанке до Невского проспекта, затем по Невскому проспекту до Владимирского проспекта и далее по Загородному проспекту возвращались в Академию, а потом нас отпустили в увольнение. На этот раз, когда мы пришли с прогулки, нас в увольнение не пустили, сказали, что мы временно задержимся в Академии. Затем в 12 часов мы услышали по радио речь Молотова о том, что началась война».

«В декабре нас отправили пешком через Ладожское озеро (по «Дороге жизни») и затем эвакуировали в город Киров. [...] Удивительное совпадение. Когда мы уходили из Академии, каждому курсанту в вещевой мешок, который мы несли за спиной, положили кое-какое кафедральное имущество. Мне достался микроскоп. Перст судьбы!»

«Я участвовал в походах двух подводных лодок: С-101 и С-102 в качестве фельдшера лодки. Подводная лодка С-102 потопила немецкий транспорт, и после этого немцы — конвой, который сопровождал транспорт, искали нас и закидывали нас глубинными бомбами. Нам повезло, мы легли на грунт и на грунте пролежали двое суток, причем в полной тишине. Не разрешалось даже двигаться, чтобы акустики надводных немецких кораблей не услышали наше движение и не поняли, что мы живы. Двое суток немцы сторожили нас, через двое суток ушли. [...] За участие в этом походе вся команда была награждена орденами и медалями. Я получил орден Красной Звезды».

«Когда мы возвращались с фронта, в районе города Койвисто мы заметили поляну роз. Был конец июня, и розы были в полном цвету. Я попросил остановить машину и нарезал большой букет красных роз. С этими цветами мы приехали в Ле-

ЖИЗНИ И О СЕБЕ

нинград. [...] Идти по городу с букетом цветов было неловко, поэтому я положил розы в чемоданчик, который был со мной. Придя в Обком, я сказал жене, что я вернулся с фронта и привез ей цветы. Открыв чемоданчик, я обнаружил, что лепестки роз опали и остались одни стебли с колечками!».

«В Балтийске же врезались мне в память слова полковника медицинской службы Комарова: «Запомни, Эберт, как ты будешь относиться к людям, так и люди будут относиться к тебе». Этому правилу я следовал всю свою жизнь».

«Как и было положено в те времена, после защиты [кандидатской диссертации] мы с женой устроили банкет. Мой учитель профессор А.В. Пономарев попросил мою старшую дочь (ей тогда было три года) сказать название папиной диссертации. Ее поставили на табуретку, и она громко сказала: «ГИАЛУРОНИДА-ЖА». А название моей диссертации

звучало так: «Роль гиалуронидазы в инфекции», и даже мой оппонент, известный ученый профессор В.С. Галкин, это слово произносил на защите, запинаясь».

«Моя жена понимала меня во всем, и во всем давала мне возможность двигаться — и в науке, и в жизни».

«Я дал себе слово: если защиту докторскую диссертацию — брошу курить. Я выкурил последнюю папиросу в перерыве, когда подсчитывали результаты голосования. А когда меня спрашивали, как мне удалось бросить курить, я в шутку отвечал, что жена мне сказала: «Будешь курить — будешь спать на диване». А мне этого совсем не хотелось».

«Подбираю я своих учеников по двум принципам: первый принцип — его способности, и второй принцип — его порядочность. И в этой ситуации мне кажется, что порядочность более важна. [...] А что каса-

ется степени кандидатской, то для умного человека — это небольшая проблема, нужно только правильно выбрать тему и умело ею распорядиться».

«Мы работали очень активно троим, так и говорили — триумвират: ректор — Даниил Александрович Глубоков, я — как проректор по научной работе и Петр Демьянович Синицын — проректор по учебной работе. Мы всегда обсуждали наши проблемы у себя в кабинетах, и, когда мы выходили на Ученый совет, то у нас мнение было всегда единое. И, может быть, поэтому мы многое успели сделать».

«Я читал не совсем обычные лекции. На вступительных лекциях я подробно останавливался на истории развития нашей науки. История развития нашей науки приходится, в основном, на конец XIX — начало XX века. Это были годы не только бурного развития микробиологии. Это были годы бурного расцвета

науки и искусства вообще. И я об этом студентам на лекции говорил. [...] Я не только рассказывал об этом, но и показывал слайды, которые я привез с собой из Ленинграда, цветные слайды различных картин художников».

«Я часто ездил в командировки по нашей стране и за рубеж. Бывал на научных конгрессах в Швеции, Австрии, в Израиле. В 1976 году мы с женой совершили круиз на теплоходе вокруг Европы. Побывали в Дании, Англии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Турции. Все эти поездки оставили память на всю жизнь. Из командировок я старался как можно скорее вернуться домой. Так, в 1992 году я был на Конгрессе нейроиммунологов в Иерусалиме. Когда я подошел к Стене плача, то мне сказали, что по обычаю я могу в расщелину стены вложить записку с моим пожеланием. Я это сделал. А в записке написал: «Хочу скорее вернуться домой».